

Глава 7. СИБИРСКИЙ ПРОМЕТЕЙ

28 марта 1857 года Бакунин был доставлен в Омск, где по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорда ему определили место дальнейшего пребывания — Кийский округ Томской губернии. Однако из-за расшатанного здоровья ссыльному разрешили поселиться в губернском городе. Казенное имущество (шинель, теплые сапоги, фуражка и кое-что по мелочам) вместе с жандармом, сопровождавшим Бакунина до конечной точки, убыло в Петербург, о чем по прибытии в столицу специальным рапортом доложили царю (такие вот бюрократические порядки, достойные пера Гоголя и Салтыкова-Щедрина, существовали в то время). Александр II продолжал ревностно и придирчиво следить за каждым шагом государственного преступника, в глубине души не доверяя ему (можно констатировать, что интуиция императора не обманула).

Бакунин же не переставал радоваться сибирскому приволью и отсутствию тюремных стен. «Сибирь, — писал он, — благословенный край, хранящий в себе богатства неиссякаемые, необъятные, свежие силы, великую будущность и представляющий ныне для умственных, нравственных, равно как и для материальных интересов предмет неистощимый...» И еще: «<...> Неведомый, огромный край, пустынный теперь, но богатый огромной будущностью и уже оживленный неутомимой энергией великого духа, ведь это просто чудо — есть от чего пробудиться всей было заснувшей романтике юности».

Отправляясь в Сибирь, Бакунин запасся рекомендацией амнистированного декабриста, лицейского друга Пушкина Ивана Ивановича Пущина (1798–1859). В начале января 1857 года тот как раз прибыл в Петербург для свидания с сестрой Елизаветой Ивановной, с ней Бакунин давно состоял в переписке, получал от нее передачи и даже имел свидания[18]. Рекомендательное письмо Пущина открыло для вновь прибывшего ссыльного двери домов известных томских семейств, включая семейства декабристов. Большинство по амнистии уезжало в Европейскую Россию. Бакунин успел все же со многими познакомиться, а у Гавриила Степановича Батенькова (1793–1863) даже купил библиотеку.

Бакунин как всегда легко сходилась с людьми, чувствуя себя своим среди купцов, крестьян, солдат, чиновников. Всех заражала его открытость, доступность, кипучая энергия, каждому импонировал олимпийский лик, могучая фигура, громкий голос и смех. К любому человеку он умел найти подход, ненавязчиво оказать посильную помощь, дать добрый совет. Приняли его как своего и либерально настроенные промышленники. Один из них — П. П. Лялин, записал свои впечатления о новом друге: «Бакунин по своей наружности — настоящий Геркулес, большого роста, черные волосы и борода густая. Он имеет большие познания и знает много языков. Необыкновенно энергичного духу человек, а в обществе приятный и веселый». Новые друзья быстро придумали для героя европейской революции несколько

уничижительное для него прозвище — «Саксонский король». Сначала Бакунин снимал частную квартиру, затем, в начале 1858 года, приобрел одноэтажный деревянный дом по Ефремовской улице на Воскресенской горе. С виду жилище производило удручающее впечатление — покосившаяся халупа глубоко осела в землю, низкие оконца почти не пропускали света.

Чуть ли не каждый день Бакунин отправлялся на окраину города давать уроки французского языка дочерям чиновника Ксаверия Васильевича Квятковского, которого несчастливая судьба забросила со всем семейством из Белоруссии в Сибирь. Миловидная и живая 17-летняя Антося сразу же приглянулась ссыльнопоселенцу, а спустя некоторое время он почувствовал к ней больше чем симпатию. 44-летний веселый «учитель» у девушки антипатии не вызывал. Позже Бакунин в письме к Герцену расскажет обо всем кратко: «<...> Я полюбил ее страстно, она меня тоже полюбила. <...> Я отдался ей весь, она же разделяет и сердцем все мои стремления». Обе стороны вскоре нашли общий язык и достигли взаимного согласия. Осталось получить благословение родителей. Михаил незамедлительно написал матери:

«Благословите меня, я хочу жениться! Вы удивитесь — в моем положении жениться. Не бойтесь, своим выбором я не навлеку на себя несчастья, ни на Вас бесчестия. Девушка, которая согласилась соединить свою судьбу с моею, образованна, добра, благородна; посылаю портрет ее. Отец ее Квятковский служит более 12-ти лет по частным делам у золотопромышленника Асташева — белорусский дворянин; жена его полька, но без ненависти к России и католичка без римского фанатизма. Благословите меня без страха: мое желание вступить в брак да служит Вам новым доказательством моего обращения к истинным началам положительной жизни и несомненным залогом моей твердой решимости отбросить все, что в прошедшей моей жизни так сильно тревожило и возмущало Ваше спокойствие. За будущее я не боюсь; у меня есть голова, воля, — достанет и уменья; с твердым намерением можно всему научиться; но как и чем буду я содержать жену, семейство, в первые годы? Вы, маменька, не богаты, детей же у Вас много, и так, несмотря на безграничную уверенность в Вашем желании помочь мне, я много надеяться на Вас, в этом случае, не должен и не могу; сам же, связанный по рукам и по ногам недоверием начальства, на которое жаловаться не могу, потому что оно вполне мною заслужено, я не мог положить даже и начала будущего полезного дела, и живу средствами, которые вы, отнимая их у себя, посылаете мне, но которые для содержания семейства были бы слишком неопределенны и недостаточны. Я поселенец, прикованный к одному месту и живущий доселе в принужденном бездействии, не могу дать своей жене ни имени, ни даже материального благосостояния. Не поступил ли я с неблагоприятною поспешностью, предложив ей теперь мою руку? По-видимому и по обыкновенной людской логике, кажись, что так, но внутреннее чувство говорит мне, что нет, и я верю в него; с полною верою предаюсь благодущию правительства, которое, раз спасши меня от крепостной смерти, не откажет мне теперь в средствах начать новую жизнь и не воспрепятствует мне искать нового счастья на пути законном, правильном и полезном».

Однако на пути Михаила Александровича к семейному счастью возникло неожиданное препятствие. Старик Квятковский наотрез отказался давать свое согласие на брак дочери с государственным преступником, не располагавшим к тому же сколь-нибудь значительным

состоянием. Чем больше его уговаривали, тем сильнее упорствовал шляхтич. Трудно даже предположить, как бы могла сложиться личная жизнь Бакунина дальше, если бы Фортуна вдруг не обратилась к нему лицом. Из Петербурга через Томск в Иркутск возвращался генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев (1809–1881), приходившийся Бакунину по матери троюродным братом. Они не общались много лет, с тех пор, когда юнкер Мишель по-родственному наведывался в роскошный столичный дом своих именитых родственников. Теперь Николай стал генералом от инфантерии, губернатором Енисейского края и одновременно генерал-губернатором Восточной Сибири, территории, простиравшейся до самого Тихого океана и по площади своей не уступавшей чуть ли не всей Западной Европе. Вскоре после встречи с Михаилом в Томске Н. Н. Муравьев еще больше прославит свое имя, поставив 16 (28) мая 1858 года подпись под Айгунским договором с Китаем, на основании которого к России отошла вся левая сторона Приамурья (а в 1860 году на основании Пекинского договора — еще и Уссурийский край). За выдающиеся заслуги перед Отечеством ему будет присвоен графский титул, а к славной и многострадальной фамилии Муравьев будет присовокуплено вполне заслуженное — Амурский.

То, что Михаил был лишен дворянского звания и гражданских прав, нисколько не помешало генерал-губернатору явиться однажды в покосившийся домишко своего отверженного родича да еще прихватить с собой первые номера запрещенного герценовского «Колокола»: газета с 1857 года стала издаваться в Лондоне и в России распространялась нелегально. Более того, узнав о перипетиях в личной жизни Бакунина и тупиковой ситуации, созданной несговорчивым отцом Антоси Квятковской, генерал-губернатор отправился в сопровождении свиты и потерявшего всякую надежду жениха на заимку (по-нынешнему — дачу) золотопромышленника Асташева, у которого служил и жил Ксаверий Васильевич Квятковский, и принялся ходатайствовать за своего троюродного брата. Он объяснил старику, оторопевшему от одного вида столь высокой особы, что положение будущего зятя в скором времени, вероятно, изменится, ему возвратят все права и дворянский титул, а его самого ожидает блестящее будущее. В завершение Муравьев испросил согласия быть посаженным отцом на свадьбе Михаила и Антонии. Против таких аргументов старик устоять не смог. Эта свадьба надолго запомнилась томским обывателям — особенно иллюминацией и фейерверком, устроенными возле дома...

Николай Николаевич Муравьев не обманывал, когда говорил, что в скором времени положение Бакунина, вероятно, изменится. После подписания Айгунского договора он обратился к новому шефу жандармов В. А. Долгорукову со следующим заявлением: «Если договор этот удостоится высочайшего одобрения и Государевой милости к исполнителям, то я имею честь покорнейше просить ваше сиятельство ходатайствовать перед Его величеством, в личную и лучшую для меня награду, прощение с возвращением прежних прав состояния остающимся еще в Восточной Сибири государственным преступникам: Николаю Спешневу, Федору Львову, Михаиле Буташевичу-Петрашевскому и сосланному в город Томск родственнику моему Михайле Бакунину...» Это было уже слишком! Просьба генерал-губернатора осталась без последствий, а самому ему дали понять, что он берется не за свое дело.

Бакунин же тем временем подыскивал себе работу, могущую дать средства к существованию для себя и своей супруги. Он стремился получить такую должность, которая позволяла бы ему беспрепятственно разъезжать по Сибири в обход существовавшего в те времена для ссыльных строгого правила — не удаляться от места пребывания более чем на тридцать верст. Однако губернское и столичное начальство всячески этому препятствовало. Наконец, после проволочек и нудной бюрократической переписки повелением аж самого царя ему было разрешено занять скромную должность канцелярского служителя 4-го разряда, без возвращения дворянства и с правом выслуги первого офицерского чина через двенадцать лет.

Томский период жизни Бакунина ознаменовался одним событием, которому суждено было сыграть важную роль в истории отечественной науки — он дал путевку в жизнь будущему знаменитому путешественнику, этнографу, фольклористу и общественному деятелю Григорию Николаевичу Потанину (1835–1920). Потанин родился в казачьей семье, учился в Омском кадетском корпусе, получил звание поручика. Потом он вышел в отставку, решив получить образование в Петербургском университете, и за протекцией обратился к Бакунину. Тот сразу увидел в молодом казаке неординарные способности и оказал ему всяческую поддержку. Прежде всего он написал два рекомендательных письма — своей влиятельно кузине Екатерине Михайловне Бакуниной и не менее влиятельному публицисту, издателю журнала «Русский вестник» Михаилу Никифоровичу Каткову. В обоих письмах он представил Потанина как «сибирского Ломоносова» — и не ошибся.

«Посылаю и рекомендую вам сибирского Ломоносова, — писал он Е. М. Бакуниной и проживавшей вместе с ней сестре Прасковье, — казака, отставного поручика Потанина (Григория Николаевича), оставившего службу для того, чтобы учиться, и горящего непобедимым желанием слушать лекции в Петербургском университете. Он — молодой человек, дикий, наивный, иногда странный и еще очень юный, но одарен самостоятельным, хотя и не развитым умом, любовью к правде, доходящей иногда до непристойного донкихотства, — вообще он не успел еще жить в свете, вследствие чего говорит и делает странные дикости, но все это со временем оботрется. Главное, у него есть ум и сердце. <...> Потанин так горд, что ни за что в мире не хотел бы жить на счет другого. В нем три качества, редкие между нами, русскими: упорное постоянство, любовь к труду и способность неутомимо работать и, наконец, полное равнодушие ко всему, что называется удобствами и наслаждениями материальной жизни. Поэтому я надеюсь, что он не пропадет в Петербурге и в самом деле сделается человеком. Приласкайте его, милые сестры, и в случае нужды не откажите ему ни в совете, ни в рекомендации»[19]. (О своей молодой жене он не без гордости написал: «Она у меня — молодец, ничего не боится и всему радуется как дитя. Я же буду беречь ее как цветок своей старости!»)

А еще Бакунин уговорил золотопромышленника Асташева безвозмездно отправить Потанина в Санкт-Петербург вместе с регулярным «золотым обозом». Потанин до конца дней сохранил самые теплые воспоминания о Бакунине и впоследствии посвятил ему в своих мемуарах отдельную главу. В ней есть незначительные неточности (например, как и другие сибиряки, он считал, что его провозгласили саксонским вице-президентом во время Дрезденского восстания). Но в целом воспоминания Потанина добавляют немало интересных подробностей к описанию сибирской жизни Бакунина.

Так, он рассказывает о библиотеке Бакунина, купленной у Батенькова. Два объемистых тома Потанин взял почитать — недавно переведенные на русский язык труды Александра Гумбольдта «Космос» и «Картины природы». Бакунин рассказал, с каким напутствием декабрист Батеньков продал свою библиотеку. «Сибирь, страна малопросвещенная и бедная книгами, нужно держаться правила не увозить из нее книг. Я уезжаю, но книг не увожу, а продаю вам и вам рекомендую, если поедете из Сибири, не увозите их, а продайте здесь же».

Запомнился Потанину и такой курьезный случай. Когда его представили очередному гостю в качестве будущего студента, едущего из Омска в Петербург, тот вроде бы пошутил: «Как так — из Омска в Петербург через Томск?» Бакунин мгновенно отреагировал: «Что ж такого — вот я из Петербурга в Томск приехал через Париж!» Любопытно также суждение Бакунина о своем восьмилетнем заключении: «Два года просидеть в тюрьме полезно. Человек в уединении оглянется назад на прожитую жизнь, обсудит свои поступки, откроет свои ошибки, словом, подвергнет строгой критике всю свою деятельность и выйдет из тюрьмы обновленным и усовершенствованным. Но восемь лет продержать человека в тюрьме — это самая верная система погупления человека».

Современные сибирские исследователи — историки, социологи, философы — на основании архивных данных, а также анализа некоторых анонимных (без подписи или под псевдонимом) публикаций в сибирской губернской прессе конца 50-х — начала 60-х годов XIX столетия доказали влияние Бакунина на формирование взглядов «сибирских областников». При этом речь вовсе не шла о сепаратизме в современном смысле данного слова и отнюдь не предполагалось отделение Сибири от России. Бакунин во главе угла ставил принцип федерализма, предполагающий выбор и создание такой формы управления и самоуправления, при которой система власти могла быть с наибольшей эффективностью использована для развития производительных сил и духовного потенциала любого региона, любой страны, любого народа.

Он и Российскую империю намеревался «растворить» в федерализме, не отказываясь, однако, от революции в России, которая, по его мнению, могла начаться именно в Сибири. Иногда он представлял себе, как улицы Томска, Тюмени, Тобольска, Омска, Иркутска, других сибирских городов заполнятся баррикадами, повсюду маячат суровые бородачи с дробовиками в валенках и шапках-ушанках, а политические ссыльные и каторжники возглавляют колонны восставшего народа. По свидетельству современников-сибиряков, с коими он считал возможным быть откровенным, восстание в Сибири, наподобие Пражского и Дрезденского, следовало готовить, опираясь на горнорабочих Алтайского и Нерчинского округов...

Это было в 1859 году, когда чета Бакуниных переехала из Томска[20] в Иркутск, чему поспособствовал генерал-губернатор Муравьев-Амурский. Он посчитал, что, находясь рядом с ним, Бакунин сможет получить большие послабления и свободу передвижения до той поры, пока не удастся добиться его полного освобождения. У Бакунина также были большие

планы в отношении высокопоставленного родственника, и тот против них, судя по всему, не особенно возражал. Вопрос вообще-то весьма деликатный, опасный в те времена для открытого обсуждения.

Герцен, однако, в «Былом и думах» назвал все вещи своими именами. Бакунина, несомненно посвятившего своего друга в свои планы, к тому времени уже не было в живых, а Н. Н. Муравьев-Амурский еще здоровствовал и проживал в Париже. Подставлять его под удар было не в традициях Искандера (Герцена). Однако он написал то, что мог прочитать каждый: граф Муравьев-Амурский мечтал вместе с Бакуниным «о будущих переворотах (!) и войнах». Бакунин же видел в Муравьеве «главнокомандующего будущей земской армией», предназначенной прежде всего для освобождения поработанных славян и «учреждения славянского союзничества».

Другими словами, речь шла о создании общеславянской федерации. Нетрудно представить, какие тайные планы строил Бакунин в Томске и Иркутске. Теперь он собирался начать строительство общеславянской империи не с Праги, как в 1848 году, а с Сибири. Вопрос о вождях движения, естественно, решался автоматически, сам собой — это должен быть союз двух лиц — гражданского и военного, Бакунина и Муравьева. Понятно, что все эти планы относились к разряду «революций в мыслях», которые обычно сам Бакунин и саркастически высмеивал. Но факт остается фактом (и Герцен лучший тому свидетель): мысли такие были, и Муравьев был в них посвящен. Он находился в зените своей вполне заслуженной славы, и его политический потенциал был далеко не исчерпан. Это знали и его многочисленные почитатели, и не менее многочисленные недоброжелатели. Последних особенно много было в окружении царя. Они хозяина Восточной Сибири даже прозвали «красным генералом». Какие именно из тайных замыслов Бакунина, касающиеся Муравьева, стали известны царской охране, сказать теперь трудно, доподлинно известно только, что в Третье отделение поступил донос из Иркутска о том, что Муравьев будто бы намеревается создать «Соединенные Штаты Сибири». Кроме того, после публикации Герценом своих мемуаров (частично в «Полярной звезде», частично в «Колоколе») сведения, не предназначавшиеся для афиширования, моментально сделались секретом Полишинеля.

У подавляющего большинства населения генерал-губернатор пользовался огромным авторитетом. Бакунин метафорически, но вполне справедливо называл его «Солнцем Сибири». Рассказывали, что по прибытии в Иркутск в марте 1848 года боевой генерал не подал руки ни одному из представленных ему чиновников, подозреваемых в коррупции, и немедленно начал беспощадную борьбу с казнокрадством и взяточничеством. Вел аскетический образ жизни, вставал не позже пяти утра, работал допоздна, по городу ходил пешком в простой шинели, лично контролировал работу рынков, магазинов, винных лавок и трактиров. Женщин легкого поведения, коих во всех городах России было предостаточно, велел выдавать замуж за солдат-штрафников, выделял им средства для обзаведения хозяйством и отправлял жить на неосвоенные берега Амура.

Политические идеалы Н. Н. Муравьева мало соответствовали эталону администратора такого уровня. Он был сторонником отмены крепостного права, безусловного и полного освобождения крестьян с землею, гласного судопроизводства с присяжными, уничтожения сословий, неограниченной печатной гласности, широкого народного самоуправления. При

генерал-губернаторе Муравьеве в корне изменилось отношение к местным инородцам — бурятам, якутам, тунгусам (эвенкам), малым народностям Приамурья. Он защищал их от произвола чиновников и купцов, не преследовал традиционные верования, поощрял изучение русского языка, приобщая тем самым неграмотное население к отечественной и мировой культуре.

Необъятный край требовал постоянного внимания и заботы. Весной 1854 года генерал-губернатор на пароходе «Аргунь» лично возглавил флотилию из 77 грузовых судов с пушками, боеприпасами и солдатами и достиг низовий Амура, где основал ряд военных постов. Далее путь поредевшей флотилии лежал на Камчатку. Здесь Муравьев определил удобные места для батарей в Авачинской бухте, им вскоре суждено было сыграть решающую роль в разгроме англо-французской эскадры, пытавшейся захватить Петропавловск-Камчатский. Встречавшийся с ним в то время писатель Иван Александрович Гончаров (1812–1891) так описал генерал-губернатора: «Небольшого роста, нервный, подвижной. Ни усталого взгляда, ни вялого движения. Это боевой отважный борец, полный внутреннего огня и кипучести в речи, в движениях».

Бакунин же в письме к Герцену дал такую характеристику своему высокому покровителю — «одному из лучших и полезнейших людей в России»: «Есть в самом деле один человек в России, единственный во всем официальном русском мире, высоко себя поставивший и сделавший себе громкое имя не пустяками, не подлостью, а великим патриотическим делом. Он страстно любит Россию и предан ей, как был ей предан Петр Великий. Вместе с тем он — не квасной патриот, не славянофил с бородою и с постным маслом. Это — человек в высшей степени современный и просвещенный. Он хочет величия и славы России в свободе. Он — решительно демократ, как мы сами, демократ с своей ранней молодости, по всем инстинктам, по ясному и твердому убеждению, по всему направлению головы, сердца и жизни; он благороден как рыцарь, чист как мало людей в России; при Николае он был генералом, генерал-губернатором, и никогда в жизни не сделал он ничего против своих убеждений. Вы догадываетесь, что я говорю про Муравьева-Амурского. <...> Я много встречал людей, но не знал еще [ни] одного, в котором сосредоточено было бы так много друг друга дополняющих даров и способностей: ум смелый, широкий, жгучий, решительный; природное увлекающее, воспламеняющее красноречие и вместе простота понимания и изложения удивительная. От прикосновения его мысли светлеют и простеют самые сложные, самые мудрые вопросы; пошиб мысли совершенно русский, практический. Память редкая, обнимающая равно и дела и людей...»

Но, как уже было сказано, у придерживающегося либеральных взглядов генерал-губернатора было много недоброжелателей и в столичных административных сферах, и в самой Сибири. Одним не нравились жесткие (деспотические, по их мнению) методы его управления, другие вообще критиковали все, что он делал в связи с преобразованием Приамурского края.

Как бы это дико ни прозвучало сегодня, в то время находились люди (и немало), считавшие, что Приамурье, Приморье, Уссурийский край, остров Сахалин, другие отдаленные территории вообще не нужны России и все усилия по их освоению — напрасный, к тому же весьма затратный труд. Апогеем такой близорукости (антиимперской по своей сущности)

политики царизма явилась позорная продажа Аляски, уступленной в 1867 году США за 7,2 миллиона долларов (мене чем за 11 миллионов рублей), то есть фактически за бесценок (тем более что вскоре на Аляске было открыто и освоено баснословно богатое месторождение золота, а позже — огромные запасы нефти).

В описываемое время в столичном «Морском сборнике» не без высокого покровительства публиковались хлесткие антимуравьевские статьи бывшего декабриста Дмитрия Иринарховича Завалишина (1804–1892)[21], оставшегося после амнистии в Чите. Он называл Амур «язвой России» и обвинял Муравьева в диктаторских замашках. Сегодня мелкотравчатая недалёковидность главного обличителя генерал-губернатора, полное отсутствие у него геополитического или хотя бы патриотического мышления очевидны. Но тогда его публикации вызывали определенный резонанс в среде сибирской общественности. С Завалишиным со временем солидаризировались три знаменитых «петрашевца», находившихся на вечном поселении в Иркутске — сам Михаил Васильевич Бутаевич-Петрашевский и его соратники Николай Александрович Спешнев (1821–1882) и Федор Николаевич Львов (1823–1885).

До поры до времени петрашевцы старались не вступать ни в какие конфликты с властями. Им позволялось заниматься просветительской деятельностью, участвовать в обсуждении насущных местных проблем, для чего совершенно легально собираться вместе с иркутской молодежью в библиотеке. Более всего они — и в особенности М. В. Бутаевич-Петрашевский — опасались выйти за рамки дозволенного и быть обвиненными в экстремизме. Несколько сгущая краски, Бакунин, хлебнувший горя от общения с петрашевцами, так характеризовал их лидера:

«Он — далеко не революционер, не открытый боец, на это он неспособен, он — трус; и несмотря на трусость, он не может оставаться в покое; он интригует, пакостит, ссорит, даже отваживается на опасные вещи по неизбежному внутреннему стремлению, которое в нем сильнее даже самого страха. Он — неизлечимый законник и готов поспорить братьев, самых близких друзей, для того чтобы завести между ними тяжбу. Таким образом во всех деревнях, куда он был ссылаем, во всех маленьких городах ему удавалось и до сих пор удается перессорить всех жителей между собою. Ему есть дело до каждой грязной истории между лицами, ему совершенно незнакомыми, и он до тех пор не успокоится, пока не найдет в ней для себя роли. Как истинный художник, помимо всех личных видов, хотя он и далеко не пренебрегает ими, он любит шум для шума, скандал для скандала, грязь для грязи. Этот человек злопамятен и мстителен до крайности, но ничем не оскорбляется. Уличите его во лжи, в клевете, назовите его в глаза подлецом, поколотите его, он завтра же подаст вам руку и будет уверять вас в своем уважении и в своей симпатии, если это только покажется ему нужным».

Конфликт политических ссыльных с генерал-губернатором зрел постепенно и исподволь, но как раз к моменту переезда Бакунина в Иркутск достиг своего апогея. Поводом вообще-то послужила случайная дуэль между двумя заезжими офицерами, в результате которой один из них был убит. И хотя губернатор в то время отсутствовал в Иркутске, тем не менее возмущение политических ссыльных и их окружения выплеснулось прежде всего в его адрес. Иркутская общественность разделилась на две партии — губернаторскую и

антигубернаторскую. Моментально вспомнились все забытые обиды, против «сибирского сатрапа» были пущены в ход дозволенные и недозволенные приемы и средства. Принципиальное противостояние быстро превратилось в обыкновенную «кухонную склоку». В центре ее и оказался Бакунин, принадлежавший, естественно, к «губернаторской партии».

Погасить пламя пожара Бакунин, к сожалению, не смог, понимая, что политссылные петрашевцы не правы от начала до конца, а личная вина губернатора не просматривалась ни с какой стороны. Муравьев же, зная, откуда дует ветер, попытался разрешить конфликт репрессивными методами: Львова уволили со службы, Петрашевского вообще выслали из Иркутска, библиотеку, где проходили встречи демократической (точнее — антигубернаторской) общественности, закрыли. Пострадавшие закусили удила и сумели передать свой гневный и желчный протест в Лондон для опубликования в герценовском «Колоколе». Вся грязь, какую они копили на протяжении многих лет, петрашевцы выплеснули на главного виновника всех, по их мнению, бед — генерал-губернатора Восточной Сибири, введя в заблуждение и главного редактора нелегального журнала Искандера-Герцена.

Вот тогда-то и потребовалось прямое вмешательство Бакунина. Он написал Герцену предлинное письмо, приложив к нему статью под названием «Ответ “Колоколу” от 1 декабря 1860 года». Главная цель — защитить Муравьева-Амурского от наветов и клеветы. Это ему удалось блестяще: «В продолжение 13 лет один из лучших русских людей, проникнутый истинно-демократичным и либеральным духом, трудился в поте лица своего, для того чтобы очеловечить, очистить, облегчить и поднять по возможности вверенный ему край. Он совершил чудеса, в особенности чудеса для соннолюбивой России, привыкшей заменять дело фразами да мечтами; ничтожными средствами, без всякой помощи и поддержки, почти наперекор Петербургу он присоединил к русскому царству огромный благодатный край, придвинувший Сибирь к Тихому океану, и тем впервые осмыслил Сибирь; он не жалел ни трудов, ни здоровья, он весь отдался великому и благородному делу, сам везде присущий и сам всегда работая как чернорабочий. В продолжение 13 лет он давал нам пример полнейшего самоотвержения; все его стремления, замыслы, предприятия, отличавшиеся истинно гениальной меткостью и простотою, проникнуты были высоким духом справедливости и желанием общего блага. 13 лет боролся он, и боролся безуспешно, за права сибирского народа, стараясь освободить его, опять-таки сколько было возможно при известных вам политических условиях, от притеснений чиновно-административного, купеческого, горнозаводского, золотопромышленного, равно как и от зловонно-православного притеснения. Он успел очеловечить вверенный ему край, смягчить и облагородить все отношения, так что можно смело оказать, что ни в одной провинции России нет такой свободы движения и жизни вообще, как в Восточной Сибири, и ни в одном провинциальном городе не живет так привольно, легко и гуманно, как в Иркутске. Все это — дело Муравьева Сибирского...»

О себе писал кратко: «Восьмилетнее заключение в разных крепостях лишило меня зубов, но не ослабило, напротив, укрепило мои убеждения. В крепости на размышление времени много; инстинкты мои, двигатели всей моей молодости, сосредоточились, пояснились, как будто стали умнее и, мне кажется, способнее к практическому проявлению. Выпущенный из

Шлиссельбургской крепости почти 4 года тому назад, я окреп и здоровьем, женат, счастлив в семействе и, несмотря на это, готов по-прежнему, да, с прежнею страстью, удариться в старые грехи (имеется в виду революционная деятельность. — В. Д.). <...> Будущее и даже близкое будущее, кажется, обещает многое. Началась и для русского народа погода, и без грома и молнии, кажись, не обойдется. Русское движение будет серьезным движением; ведь фантазерства и фраз мало, а дельного склада много в русском уме, а русское широкое, хоть и беспутное сердце пустяками удовлетвориться не может. Мы здесь живем день ото дня, яко чающие движения воды, следим за всеми знаменами, прислушиваемся ко всем звукам, ждем и готовимся...»

Большая часть письма и статьи посвящена скрупулезному анализу ситуации, сложившейся в Иркутске и Приамурье. В этом письме Бакунин, «апостол анархии», почти созревший антигосударственник, проявил себя как подлинный государственник, болеющий за целостность и величие России. Он оказался на голову выше петрашевцев, с легкостью необыкновенной готовых принести в жертву мелким личным амбициям геополитические интересы России. Через три месяца письмо было уже в Лондоне. Способ доставки нелегальной почты (а обратно — и литературы) был хорошо отлажен. Если не случалось прямой оказии через Европу, письма отправлялись с русскими купцами через Китай, Америку и два океана в Англию...

В 1861 году Николай Николаевич Муравьев-Амурский оставил пост генерал-губернатора, вышел в отставку и уехал доживать свой век в Париж. Неожиданно для всех, но не для себя самого. Он просто осуществил на практике собственное жизненное кредо: «Никто не должен быть на одном месте более десяти лет». Его уговаривали послужить еще, он отвечал: «Переслуживать — преступление». Провожать генерал-губернатора вышел весь Иркутск. Из храма после торжественного молебна его вынесли на руках. Так и несли до повозки, сменяя друг друга — чиновники, казаки, крестьяне. Когда караван с отъезжающими и сопровождающими скрылся из виду, кто-то сказал: «Закатилась зорька Сибири». А в Петербурге вздохнули с облегчением — мысли и действия графа, покровителя политических ссыльных и негласного подписчика герценовского «Колокола», трудно было предугадать...

На посту генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского сменил его ближайший соратник и кузен Михаил Семенович Корсаков (1826–1871) — горячий патриот России, в честь которого еще во второй половине XIX века было названо поселение на Сахалине (сейчас — город Корсаков). В должности чиновника по особым поручениям он дважды совершил экспедиционное плавание по Амуру и в 1855 году был назначен военным губернатором Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. С 1861 года исполнял обязанности (или, как тогда говорили, исправлял должность) генерал-губернатора Восточной Сибири. В письме к Герцену Бакунин характеризовал его как ученика и воспитанника Муравьева, умного, деятельного и благородного «молодого человека». Корсаков продолжал оказывать Бакунину покровительство, а в 1861 году даже породнился с ним: его родная сестра — Корсакова Наталья Семеновна — вышла замуж за

брата Михаила — Павла Александровича Бакунина — и поселилась с ним в Прямухине[22].

Между тем многократные обращения разных лиц в высшие государственные инстанции с просьбой о помиловании или смягчении участи Бакунина и разрешении жить в Европейской России оставались тщетными. Александр II по-прежнему продолжал испытывать к знаменитому сибирскому ссыльному личную неприязнь и отклонял любые ходатайства об изменениях в его судьбе. Но царственное упрямство было ничто в сравнении с кипучей энергией Бакунина и его жаждой свободы. Он до мельчайших деталей продумал план бегства из Сибири — невероятный по дерзости и гениальный по простоте. Брата же Николая (а через него остальную родню) заранее, хотя и иносказательно, предупредил, что намерен отказаться от «правильного планетного течения» и в скором времени сделаться кометой, то есть вырваться на свободу и исчезнуть.

Даже многие официальные лица Бакунину искренне сочувствовали, откровенно подыгрывали и готовы были закрыть глаза на подготовку к побегу. Главной проблемой, как всегда, были деньги. Суммы, полученные под вексель братьев, как и пособие, полагающееся каждому ссыльному, давно были истрачены. Путь же предстоял неблизкий — через два океана и Америку в Европу. С этой целью он заключил с одним из богатых кяхтинских купцов договор, позволявший спуститься вниз по Амуру, дабы определить наиболее удобные места для постройки торгово-хозяйственных объектов. Исполнявший обязанности генерал-губернатора М. С. Корсаков выдал ему разрешение на свободное плавание по всем рекам амурского бассейна и предписание капитанам беспрепятственно брать М. А. Бакунина на борт своих судов. Удалось получить и паспорт, без коего выезд за пределы России был попросту невозможен.

Наконец, удалось занять в долг еще две тысячи рублей, из них самый минимум — двести — пришлось оставить жене. С ней же было условлено: как только станет известно о его побеге, она покинет Сибирь и переедет в Прямухино, где будет дожидаться вызова, чтобы соединиться с мужем в Европе. Из Иркутска Бакунин выехал 5 июня 1861 года и менее чем за месяц достиг Николаевска-на-Амуре. Сначала ехал на почтовой повозке до истоков Ангары, затем пересек Байкал и до Читы добирался на лошадях, по Шилке и Амуру плыл на пароходе. В Николаевске Бакунина чуть не арестовали. Он неосмотрительно доверился одному бывшему ссыльному поляку, а тот немедленно настроил донос. Офицер же, от которого зависело, задержать Бакунина или разрешить ему следовать дальше, видимо, из сочувствия рассудил в пользу беглеца: документы у того в порядке, а в доносе мало ли чего понапишут...

О бегстве Бакунина из Сибири долгое время ходили легенды — одна неправдоподобнее другой. Сам беглец в письме к Герцену и Огареву из Сан-Франциско (15 октября 1861 года) так описал «государственному преступнику» свою одиссею: он инкогнито пересел на американское судно и долго дрейфовал на нем по Татарскому проливу вдоль сахалинского побережья и вдоль берегов Японии, где лишь 5 сентября в Йокогаме ему удалось пересестись на другое американское судно, следовавшее до Сан-Франциско. Все это время Бакунину исключительно везло. Его бегство могли пресечь еще в России, но старый и опытный конспиратор сумел обвести вокруг пальца приставленного к нему соглядатая, оставив в гостинице чемодан, набитый оберточной бумагой. В Йокогаме он неожиданно встретил

находившуюся там с официальным визитом русскую эскадру и с трудом сумел избавиться от назойливой опеки со стороны соотечественников.

«Друзья, — писал он Герцену и Огареву, — мне удалось бежать из Сибири, и, после долгого странствования по Амуру, по берегам Татарского пролива и через Японию, сегодня прибыл я в Сан-Франциско. <...> Друзья, всем существом стремлюсь я к вам и, лишь только приеду, примусь за дело: буду у вас служить по польско-славянскому вопросу, который был моей *idée fixe* с 1846-го и моей практической специальностью в 48-м и 49-м годах. Разрушение, полное разрушение Австрийской империи будет моим последним словом; не говорю — делом: это было бы слишком честолюбиво; для служения ему я готов идти в барабанщики или даже в прохвосты, и, если мне удастся хоть на волос подвинуть его вперед, я буду доволен. А за ним является славная, вольная славянская федерация — единственный исход для России, Украины, Польши и вообще для славянских народов...»

Как видим, Бакунин ничуть не изменился — все та же несгибаемая воля, все те же амбиции. Энергии его по-прежнему хватало не на одну революцию. Не получилось начать с Сибири, попробуем еще раз — с Австро-Венгрии! Но для этого, как минимум, требовалось попасть в Европу. Маршрут по тем временам не из легких: из Сан-Франциско до тихоокеанского побережья Панамского перешейка, дальше — посуху (Панамский канал построят только в XX веке) до Мексиканского залива, оттуда — через Атлантический океан в Великобританию. Денег, как всегда, нет, те, что одолжил, давно закончились, тютелька в тютельку оставалось на билет. В Соединенных Штатах вовсю полыхала Гражданская война. Юг одерживал временные победы над Севером. Все симпатии Бакунина, как и всех других русских революционеров, конечно же, были на стороне северян.

Интересны впечатления Бакунина об Америке и американцах, он поделился ими со своим томским приятелем П. П. Лялиным в письме, отправленном из Лондона: «В Америке пробыл с месяц и многому поучился. Увидел, как край путем демагогии дошел до тех же жалких результатов, каких мы достигли путем деспотизма. Между Америкой и Россией, в самом деле, много общего, — а что для меня главное, я нашел в Америке такую повсеместную и безусловную симпатию к России и веру в русскую народную будущность, что, несмотря на все мною самим виденное и слышанное, я уехал из Америки решительным партизаном Соединенных Штатов».

Среди легенд о побеге Бакунина были и совсем экзотические. Будто бы при переходе с русского клипера «Стрела» на американское судно «Горизонт» он удачно инсценировал собственную смерть. На глазах сопровождавшего его полицейского исправника он якобы случайно упал с трапа в море и более не появился на поверхности. На самом же деле, заранее договорившись с американцами, Бакунин, нырнув под киль, незаметно всплыл у другого борта, где его также незаметно подняли на корабль и спрятали в трюме. Так или иначе, но к новому 1862 году Бакунин уже объявился в Лондоне. О том, как это произошло, поведала в своих воспоминаниях Н. А. Тучкова-Огарева: «Я очень хорошо помню первое появление Бакунина в нашем доме; вот как это произошло. Был девятый час вечера, все сидели за столом, а я по нездоровью обедала в той же комнате, лежа на диване. Услыша сильный звонок, Жюль (слуга. — В. Д.) побежал к входной двери наверх и через несколько минут возвратился в сопровождении посетителя; это был Михаил Александрович Бакунин. Не помню, говорила ли я раньше об его наружности. Он был очень высокого роста, умное и

выразительное лицо; в его чертах было много сходства с типом Муравьевых, с которыми он состоял в родстве. При появлении Бакунина все встали. Мужчины обнимали друг друга. <...> Бакунин сел тоже за стол, обед стал очень оживлен. <...>».

Версия #1
[redacted] [redacted] создал 30 июня 2025 19:09:51
[redacted] [redacted] обновил 30 июня 2025 19:10:25